

Гацунаев Константин Николаевич

Gatsunaev Konstantin Nikolaevich

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии
Национального исследовательского Московского
государственного строительного университета

PhD, Associate Professor,
History and Philosophy Department,
Moscow State University of
Civil Engineering (National Research University)

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО АВАНГАРДА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

THE PREREQUISITES FOR ARCHITECTURAL AVANT-GARDE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY

Аннотация:

Предметом исследования является развитие идейно-теоретических, организационно-технических и социально-экономических процессов, приведших к формированию отечественного архитектурного авангарда. В контексте современных дискуссий, обусловленных различными подходами к анализу теории и практики постмодернизма, проблемы изучения трансформации модерна (ар-нуво) в авангард (функционализм) приобретают особую актуальность. Целью исследования является выявление наиболее существенных факторов и предпосылок, детерминировавших возникновение отечественного конструктивизма, рационализма и близких им направлений в послереволюционной советской архитектуре. Основу исследования образует системный подход, объединяющий методы анализа и синтеза в рассмотрении теоретических принципов и реальной практики архитектурно-градостроительной деятельности в изучаемый период. Совокупность факторов, способствовавших формированию отечественного архитектурного авангарда, не получила должного рассмотрения ни в контексте истории архитектуры, ни в рамках философского и культурологического дискурса. Складывание основных принципов архитектурного авангарда исследуется на основе материалов, опубликованных философами, социологами и практикующими архитекторами, вовлеченными в анализ процесса трансформации гуманитарных, социально-экономических и организационно-технических факторов развития архитектуры первой трети XX в. Результатами исследования стали определение и систематизация наиболее существенных аспектов процесса возникновения и реализации принципов советского авангарда. Делается вывод о сущности феномена архитектурного авангарда как закономерного результата предшествовавшей ему социокультурной эволюции.

Ключевые слова:

архитектура, модерн, ар-нуво, авангард, конструктивизм, функционализм, рационализм, футуризм.

Summary:

The research focuses on the development of the ideological and theoretical, arranged, social and economic processes having led to Russian architectural avant-garde. The transformation of a modernist style (art nouveau) to avant-garde (functionalism) is of high relevance to scientists discussing various approaches to analyzing the theoretical and practical issues of postmodernism. The purpose of the study is to identify the pivotal factors and prerequisites for domestic constructivism, rationalism and other similar movements in the post-revolutionary Soviet architecture. The research is based on the system approach which implies the analysis and synthesis of the theoretical principles and real practice of architectural and town-planning activity in the studied period. The combination of factors contributing to the development of Russian architectural avant-garde have been sufficiently considered neither in the context of the history of architecture nor in the philosophical and cultural discourse. The study on basic principles of architectural avant-garde is based on the materials published by philosophers, sociologists, and architects involved in the analysis of transformation of humanitarian, social and economic and arranged factors in architectural development at the turn of the 19–20th centuries. The research defines and systematizes the major aspects of the Soviet avant-garde principles and their implementation. The author concludes that the phenomenon of architectural avant-garde is a natural result of the preceding sociocultural evolution.

Keywords:

architecture, modernist style, art nouveau, avant-garde, constructivism, functionalism, rationalism, futurism.

Архитектура советского авангарда стала объектом междисциплинарного исследовательского подхода. Как сами архитекторы, так и философы, историки архитектуры, искусствоведы и культурологи энергично разрабатывают эту проблематику со второй половины XX в. Крупнейшим российским исследователем советского авангарда был С.О. Хан-Магомедов. Его двухтомная монография [1] охватывает весь период существования этого архитектурного направления. Особенностям развития московской архитектуры в 1910–1935 гг. посвящена работа А.И. Комеча, А.Ю. Броницкой, Н.Н. Броницкой [2, с. 255–260]. Широкий круг архитектурно-градостроитель-

ных проблем первой трети XX столетия рассмотрен в монографии А.В. Иконникова [3]. Т.А. Молокова и В.П. Фролов при изучении советского авангарда использовали метод описания и анализа архитектурных памятников этого периода [4]. Советский авангард стал тем этапом в отечественной архитектуре, который привлек наибольший интерес со стороны зарубежных исследователей. Из множества работ следует выделить книги Ричарда Пэра, Жана-Луи Коэна, Филлис Ламберт [5] и Дж. Мейерхофера [6]. Поскольку отечественный авангард развивался в тесном взаимодействии со своими зарубежными аналогами (функционализм, баухаус), то понятен интерес к взаимовлиянию этих направлений [7].

В то же время соотношение гуманизма и технизма, социокультурных и организационно-технических аспектов формирования и развития архитектуры отечественного авангарда остается недостаточно изученным.

Изменения условий социального бытия к началу XX столетия требовали адекватного отражения в развитии архитектуры и градостроительства. Драматический социальный эксперимент, осуществляемый в России с 1917 г., породил и менее масштабные эксперименты в различных областях жизни общества, в том числе в архитектуре и градостроительстве. Так, важным компонентом культурной революции считалось коренное преобразование архитектурно-строительной деятельности. В основе преобразований, несомненно, лежали утопические представления. Н.А. Бердяев писал: «...утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос: как избежать их окончательного осуществления» [8, с. 473]. В некоторых случаях утопические концепции стимулировали возникновение ярких культурных феноменов, ценностей, сохраняющих обаяние и привлекательность в длительной исторической перспективе. Трагизм ситуации заключался в том, что создание новых ценностей осуществлялось за счет уничтожения достижений предшествующих поколений.

Наглядным примером такого «замещения» стало создание конструктивистского шедевра братьев Весниных – Дворца культуры Пролетарского района Москвы (более известного как ДК ЗИЛ). В процессе подготовки и осуществления строительства этого выдающегося памятника эпохи архитектурного авангарда был сначала уничтожен некрополь Симонова Успенского мужского монастыря с захоронениями известных персонажей русской истории, представителей знаменитых боярских и княжеских династий, а также старинных дворянских фамилий: Бутурлиных, Головиных, Загряжских, Муравьевых, Нарышкиных, Олениных, Соймоновых, Шаховских и др. Здесь покоился автор «Аленького цветочка» С.Т. Аксаков и его сын, глава русских славянофилов – К.С. Аксаков. У стен монастыря были похоронены композитор А.А. Алябьев, коллекционер А.П. Бахрушин, поэт Д.В. Веневитинов. Официально были перезахоронены на Новодевичьем кладбище лишь останки Аксаковых и Веневитинова, а остальная часть некрополя была целенаправленно уничтожена. В монастырском соборе в 1616 г. был похоронен человек, которого Иван Грозный почтительно именовал титулом «Государь великий князь всея Руси». Внук правителя Большой Орды, касимовский хан Симеон Бекбулатович в 1575–1576 гг. формально считался первым лицом в Московском государстве.

Здесь же покоились сын Дмитрия Донского – Константин и князья Мстиславские. Сама обитель, основанная племянником Сергия Радонежского – преподобным Федором, была любимым детищем духовного собирателя Руси и одного из создателей русской духовной культуры – игумена Сергия Радонежского. В ней воспитывались и обучались патриарх Иосиф, преподобный Кирилл Белозерский, архиепископ Ростовский Иоанн, видные нестяжатели Вассиан (князь Патрикеев) и Максим Грек.

Архитектурный ансамбль монастыря складывался на протяжении веков и включал в себя стены и башни, возведенные самым известным русским зодчим XVI в. «государевым мастером» Приказа каменных дел Федором Конем. Позже здесь возвели храмы и колокольни Парфен Петров, Осип Старцев и К.А. Тон. Большая часть этих сооружений была уничтожена в процессе строительства Дворца культуры.

Карл Поппер [9, с. 211] и Борис Гройс независимо друг от друга отождествляют философию утопии с политической философией власти. В эпоху постмодернизма этическая неприемлемость утопии стала аксиомой. Политический режим, созданный Сталиным, Гройс определяет как закономерный итог реализации политико-эстетической концепции российского авангарда. Заявленная в этой утопии воля к власти воплотилась во вполне реальном и функционирующем механизме [10, с. 98].

К началу прошлого столетия основными факторами развития архитектуры и градостроительства стали:

- 1) стремительный рост городов, обусловленный продолжающейся индустриализацией;
- 2) увеличение численности населения в основном за счет небогатых горожан, что меняло структуру городов и определяло облик самих архитектурных объектов;

3) повышение социальной мобильности в результате развития коммуникаций и одновременно стимулирование дальнейшего развития городской инфраструктуры в результате роста мобильности населения;

4) появление принципиально новых типов зданий и сооружений;

5) новые технические достижения в строительной области (материалы и конструкции), породившие совершенно новые выразительные средства архитектуры;

6) смена эстетических критериев, отказ от архитектурного ордера и классической симметрии ввиду ее несовместимости с критерием утилитарности.

Важным фактором, определившим диапазон творческих поисков архитекторов эпохи авангарда, стало откровенное неприятие предыдущего опыта и традиций. Именно нигилистический подход к прошлому зачастую лежал в основе архитектурных экспериментов. Как Ф. Маринетти в своем «Учредительном манифесте футуризма» [11, р. 21–23], так и лидер конструктивистов Моисей Гинзбург решительно осуждают традиционные подходы в архитектуре. Высказывания Гинзбурга об исходных принципах конструктивизма: «Нас не связывает прошлое. Мы знаем, что современный город смертельно болен, но не желаем его лечить. Наоборот, мы хотим его разрушить и заменить новыми социалистическими формами расселения людей, лишенными внутренних противоречий, как пережитков капитализма» [12, с. 172] перекликаются с подходом Ле Корбюзье к реконструкции Москвы: «Нужно разрушить все существующие жилые здания... в корне уничтожить ее радиально-концентрический облик, сохранить помимо Кремля лишь Мавзолей, Большой театр и особняки стиля ампир» [13, с. 94].

Представление о том, что стиль должен символизировать эпоху, прочно укоренилось в философии авангарда. Ницшеанские постулаты культуры наиболее отчетливо проявлялись в силуэтах индустриальных зданий и сооружений. Индустриальный гуманизм находил свое выражение именно в архитектурных символах. Неудивительно, что в эпоху форсированной индустриализации считалось необходимым даже жилые и общественные здания уподоблять промышленной застройке посредством конструктивных, цветовых решений и применяемых материалов.

Уникальное сочетание социально-экономических, идейно-политических, организационно-технических и технологических условий способствовало формированию феномена советского архитектурного авангарда. После революции принципиальной основой архитектурной деятельности стали декреты ВЦИК и Совнаркома «О социализации земли» и «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». Экспроприация (муниципализация) домов повлекла за собой массовый «жилищный передел», во многом определивший характер и особенности дальнейшего развития отечественной архитектуры. Абсолютное господство государственного сектора в экономике обусловило определение им приоритетов в архитектурно-строительной деятельности. Немаловажным экономическим фактором была хозяйственная слабость советской России. Парадоксальным образом она одновременно затрудняла реализацию новых проектов, но в то же время позволяла мастерам авангарда не ограничивать свою архитектурную фантазию возможностями практического воплощения.

В идейно-политическом отношении провозглашенные новой властью цели и задачи: обеспечение социальной справедливости, «культурная революция», «раскрепощение женщин», организация новых форм труда, быта, семейной жизни и досуга – ставили перед архитекторами масштабные задачи. Главная цель – создание для нового общества достойной пространственной среды. Перспектива мировой революции побуждала власть к поддержанию творческого взаимодействия между отечественным архитектурным авангардом и его идейными единомышленниками за рубежом. В целом, несмотря на остроту творческих дискуссий 1920-х гг., плюрализм мнений и подходов совершенно очевиден.

К XX столетию в архитектурно-строительную практику входит применение стального проката, большегабаритного стекла, железобетона, а затем и новых светопрозрачных материалов, полимеров и сплавов. Внедряются новые виды подъемных механизмов и инженерных систем, совершенствуются строительные технологии. Имеющийся опыт применения этих новинок в России, безусловно, влиял на творческий поиск мастеров авангарда. Командировки отечественных гражданских инженеров и архитекторов за рубеж для ознакомления с организацией строительного дела и современной техникой были не таким уж редким явлением. Совершенно новые возможности для архитекторов открывало начатое государством планомерное развитие сети населенных мест в масштабах всей страны. Раньше вопросы организации расселения не относились напрямую к традиционной архитектурной деятельности. Результатом теоретических дискуссий стали, например, проект планировки «Новая Москва» (А.В. Щусев), концепции «соцгорода» (братья Веснины), «нового расселения» (М.А. Охитович) и др.

В эстетическом отношении братья Веснины и М.Я. Гинзбург решительно отстаивают идею «чистой конструкции» без «балласта изобразительности», а лидеры рационалистов призывают к

определению объективных закономерностей восприятия архитектурной формы. В.Ф. Кринский и А.М. Рухлядев считают необходимым для архитектора с научной обоснованностью выражать в художественной стороне зодчества как эмоциональные, так и рациональные элементы.

Авангард как направление в отечественной культуре уже в первой половине 1930-х гг. утрачивает свою привлекательность в глазах власти. Стремительно обесцениваются и подвергаются жесткой критике практически все его аспекты. Борьба с «идеологически вредным формализмом» и функционализмом сходит на нет в эпоху «индустриального домостроения» Н.С. Хрущева. Появляется преклонение перед архитектурой советского модернизма. Она не только противопоставлялась «архитектурным излишествам» недавнего прошлого, но и основывалась на конструктивных и эстетических принципах авангарда.

Таким образом, несмотря на провозглашаемый основоположниками авангарда разрыв культурной преемственности, созданные ими стилистические направления оказались органически связаны как с предшествующими, так и с последующими этапами в истории архитектуры.

Ссылки:

1. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996. 709 с. ; Кн. 2. Социальные проблемы. М., 2001. 712 с.
2. Кочет А.И., Броновицкая А.Ю., Броновицкая Н.Н. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1910–1935 гг. М., 2012. 356 с.
3. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. М., 2004. 400 с.
4. Молокова Т.А., Фролов В.П. Памятники культуры Москвы: из прошлого в будущее. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. 168 с.
5. Пэр Р., Коэн Ж.-Л., Ламберт Ф. Потерянный авангард. Русская модернистская архитектура 1922–1932. М., 2007. 348 с.
6. Maerhofer J.W. Rethinking the Vanguard: Aesthetic and Political Positions in the Modernist Debate, 1917–1962. Newcastle upon Tyne, 2009. 230 p.
7. Васильева Е.В. Идеальное и утилитарное в системе интернационального стиля: предмет и объект в концепции дизайна XX в. // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 4 (25). С. 72–80 ; Коэн Ж.-Л. Ле Корбюзье и мистика СССР. Теории и проекты для Москвы. М., 2012. 316 с. ; Миронов А.В. Философия архитектуры: творчество Ле Корбюзье. М., 2012. 292 с.
8. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. Т. 1. М., 1994. 1052 с.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. 446 с.
10. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М., 2013. 168 с.
11. Marinetti F.T. The Founding and Manifesto of Futurism 1909 // Futurist Manifestos / ed. by U. Apollonio. L., 1973. 189 p.
12. Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX в. М., 1990. 286 с.
13. Горный С.М. Социалистическая реконструкция Москвы. М., 1931. 200 с. (Планировка городов).

References:

- Berdyayev, NA 1994, 'New Middle Ages', *Philosophy of Art, Culture and Art: in 2 vols*, vol. 1, Moscow, 1052 p., (in Russian).
- Cohen, J-L 2012, *Le Corbusier and Mysticism of the USSR. Theories and Projects for Moscow*, Moscow, 316 p., (in Russian).
- Gorniy, SM 1931, *Socialist Reconstruction of Moscow*, Moscow, 200 p., (in Russian).
- Groys, B 2013, *Gesamtkunstwerk Stalin*, Moscow, 168 p., (in Russian).
- Ikonnikov, AV 2004, *Utopian Thinking and Architecture*, Moscow, 400 p., (in Russian).
- Khan-Magomedov, SO 1996, 2001, *The Architecture of the Soviet Avant-Garde: in 2 books*, Book 1, Problems of Shaping. Masters and Currents, Moscow, 709 p., Book 2, Social Problems, Moscow, 712 p., (in Russian).
- Komech, AI, Bronovitskaya, AYU & Bronovitskaya, NN 2012, *Monuments of Architecture of Moscow. Architecture of Moscow 1910-1935*, Moscow, 356 p., (in Russian).
- Maerhofer, JW 2009, *Rethinking the Vanguard: Aesthetic and Political Positions in the Modernist Debate, 1917-1962*, Newcastle upon Tyne, 230 p.
- Marinetti, FT 1973, 'The Founding and Manifesto of Futurism 1909', in U Apollonio (ed.), *Futurist Manifestos*, London, 189 p.
- Mironov, AV 2012, *Philosophy of Architecture: the Works of Le Corbusier*, Moscow, 292 p., (in Russian).
- Molokova, TA & Frolov, VP 2010, *Monuments of Moscow Culture: from the Past to the Future*, 2nd ed., Moscow, 168 p., (in Russian).
- Peer, R, Cohen, J-L & Lambert, F 2007, *The Lost Avant-Garde. Russian Modernist Architecture 1922-1932*, Moscow, 348 p., (in Russian).
- Popper, K 1992, *An Open Society and its Enemies: in 2 vols*, vol. 1, Plato's charms, Moscow, 446 p., (in Russian).
- Vasilyeva, EV 2016, 'The Ideal and Utilitarian in the System of International Style: the Subject and Object in the Design Concept of the XX century', *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 4 (25), pp. 72-80, (in Russian).
- Vuek, J 1990, *Myths and Utopias of the Architecture of the 20th Century*, Moscow, 286 p., (in Russian).